

О некоторых уроках взаимодействия советской дипломатии с западными союзниками в годы Второй мировой войны

В.О. Печатнов

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

В статье на базе документов российских, американских и британских архивов анализируется коалиционная дипломатия СССР, США и Великобритании с акцентом на то, как союзники соблюдали принятые на себя обязательства и другие правила поведения в подобных коалициях на протяжении всей Второй мировой войны. Помимо выполнения обязательств, к этим правилам относятся учёт интересов партнёров по коалиции, согласованность действий в достижении общей цели, умение преодолевать имеющиеся разногласия ради сохранения единства коалиции, способность не переходить красной черты, за которой следует развал коалиции. Проведённый автором сравнительный анализ советской и западной дипломатии по этим параметрам показывает, что в целом участники «Большой тройки» антигитлеровской коалиции стремились придерживаться этих правил, что в конечном итоге и обеспечило разгром общего врага. Однако в важнейших стратегических вопросах советская сторона была гораздо честнее своих западных союзников в выполнении принятых на себя обязательств. Кроме того, она была заметно активнее в стремлении к институционализации антигитлеровской коалиции с целью повысить её устойчивость и добиться равноправного участия СССР в принятии важнейших решений по ведению войны и послевоенному урегулированию. Достижению такого равноправия, как показано в статье, препятствовало нежелание западных союзников принимать Советский Союз в качестве долговременного полноценного партнёра и законного члена «клуба» великих держав не только в войне, но и в послевоенном миропорядке. Помимо геополитических факторов, это объяснялось и глубокими культурно-цивилизационными причинами, прежде всего – традиционным для Запада комплексом превосходства и представлением об исторической России как о «недостаточно цивилизованной» стране, «недостойной» принятия в евро-атлантическое сообщество. В статье приводятся малоизвестные документы из архивов США и Великобритании, наглядно иллюстрирующие подобный менталитет. Вместе с тем автор показывает, что такой подход разделяли не все представители политического класса англо-американских демократий: и в Вашингтоне, и в Лондоне были деятели, готовые к конструктивным и подлинно равноправным отношениям с СССР и предлагавшие конкретные пути к достижению такого сотрудничества. Однако не они определяли основной вектор западной политики.

УДК: 94(100)"1939/1945":327.5

Поступила в редакцию: 10.15.2023

Принята к публикации: 11.25.2023

Ключевые слова: Вторая мировая война, советская дипломатия, антигитлеровская коалиция, Сталин, Рузвельт, Черчилль

Сотрудничеству трёх великих держав в рамках антигитлеровской коалиции, в том числе – их дипломатическому взаимодействию, посвящена огромная отечественная и зарубежная научная литература¹. Однако тема эта настолько масштабна и сложна, что и в этой, казалось бы, досконально изученной проблематике остаются менее исследованные аспекты. Один из них – сравнительный анализ советской и англо-американской дипломатии по критериям соблюдения ими правил поведения в подобных коалициях – как формальных (например, соблюдения принятых на себя обязательств), так и неформальных. Со стороны западных историков недостаточное внимание к этому вопросу объясняется, на наш взгляд, тем, что при таком сравнении англо-американская дипломатия проигрывает советской стороне, особенно по части соблюдения принятых на себя обязательств, прежде всего – в ключевом вопросе о втором фронте. Обычно педалируемые в западной историографии встречные обвинения Москвы в нарушении ялтинских соглашений по Польше и Восточной Европе весьма уязвимы и в целом явно не устраняют этого дисбаланса, как показывают редкие исследования наиболее объективных американских историков (Leffler 1991: 355–356). Другая, методологическая, причина этого упущения заключается в том, что данная проблема стоит на стыке традиционной истории дипломатии и теории международных отношений, разрабатывающей чисто теоретико-методологические вопросы создания и функционирования подобных коалиций. Эти работы показывают, что коалиционная дипломатия, как и вообще строительство отношений внутри коалиций, имеет свои правила и закономерности (Истомин 2018; Schroeder 1976; Snyder 1997; Walt 1987; Walt 1997)². Синтез этих двух подходов – исторического и политологического на материале антигитлеровской коалиции представляет собой увлекательную исследовательскую задачу, полноценное решение которой требует полноформатного научного исследования. Данная статья – лишь первый подступ к решению этой большой задачи, который ограничивается попыткой сформулировать наиболее очевидные и элементарные из этих правил, своего рода неписанный кодекс поведения государств – участников союзных коалиций, с тем чтобы сравнить, насколько

¹ Назовём только наиболее известные работы: (Союзники СССР... 2014; Внешняя политика и дипломатия... 2014; Исраэлян 1985; Сиполс 2000; Союзники в войне... 1995; Фалин 2000; Feis 1967; Fenby 2007; Lane, Temperley 1995; Stoler 2007).

² Bloch F. 2012. Endogenous Formation of Alliances in Conflict. *The Oxford Handbook of the Economics of Peace and Conflict*. Ed. by M. Garfinkel and S. Skaperdas. Oxford;

их соблюдали основные участники антигитлеровской коалиции. И уже на этой основе попытаться извлечь некоторые уроки, которые могут представлять не только исторический интерес.

Как консолидировать коалицию

Начнём с создания коалиции и роли в этом советской дипломатии. Основные моменты здесь хорошо известны. В создании антигитлеровской коалиции не было автоматизма, оно сталкивалось с серьёзными препятствиями и потребовало усилий всех трёх сторон. Поначалу инициатива исходила от англо-американцев, но советская дипломатия сумела быстро перестроиться на модус сотрудничества со вчерашними противниками и крепко ухватила за протянутую Западом руку помощи. Остановимся только на одном менее акцентируемом моменте. Из теории и практики дипломатии известно, что прочность и долговременность международных коалиций зависит от степени их закрепления в юридически обязывающих договорённостях. Очень характерно, что советская сторона с самого начала стремилась к институционализации новых отношений с союзниками, тогда как последние предпочитали не связывать себя договорными обязательствами. Только благодаря настойчивости Сталина советско-британская договорённость от 12 июля 1941 г. получила статус официального соглашения, а не просто совместного заявления, как того хотели англичане (Печатнов, Магадеев 2015а: 32–34). Стороны обязывались помогать друг другу в борьбе против гитлеровской Германии, не вести с ней никаких переговоров и не заключать перемирия или мирного договора без обоюдного согласия. Соглашение положило начало советско-британскому союзу в войне. «Гитлеровской коалиции нужно противопоставить коалицию, – говорил Сталин британскому послу С. Криппсу 8 июля. – Сотрудничество, о котором говорил Черчилль в своей речи 22 июня, дело, конечно, хорошее, но такое сотрудничество будет спорадическим и недолгим. Если же обе стороны будут связаны пактом о взаимопомощи, тогда возможно будет определённое длительное и не случайное сотрудничество»³. На августовской встрече с Г. Гопкинсом советский вождь даже предложил заключить подобное соглашение и с не воевавшей ещё Америкой. Также по настоянию Сталина и Молотова на Московском совещании представителей трёх держав в конце сентября – начале октября 1941 г. был подписан официальный протокол о поставках, хотя А. Гарриман и лорд Бивербрук сопротивлялись такому оформлению итогов совещания (Печатнов 2002: 181–182).

³ Советско-английские отношения в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945. 1983. *Документы и материалы*. В 2 тт. Т. 1. 1941–1943. Москва. С. 69–71.

Малоизвестно, что в экспертных кругах США прорабатывались и более далеко идущие планы подключения СССР к совместному коалиционному планированию на постоянной основе. Авторитетный Нью-Йоркский Совет по внешним сношениям в закрытом докладе для Госдепартамента от 15 декабря 1941 г. рекомендовал срочно приступить к созданию военно-политического союза в составе США, стран Британского Содружества, СССР, Китая, Нидерландов, организации «Свободная Франция», а также европейских правительств в изгнании и заинтересованных латиноамериканских стран. Его условия должны были предусматривать войну со странами «оси» до победного конца, отказ от сепаратных переговоров с противником и создание союзных органов для совместного ведения войны. Без такой интеграции усилий, говорилось в докладе, будет невозможно эффективно противостоять «высоко интегрированным силам «оси»»⁴. Характерно, что и после создания англо-американского Объединённого комитета начальников штабов и принятия Декларации Объединённых Наций эксперты Совета, считая эти меры недостаточными, продолжали выступать за формирование руководящего военно-политического органа коалиции наподобие созданного в конце 1917 г. Высшего военного совета Антанты с маршалом Ф. Фошем в качестве верховного союзного главнокомандующего⁵.

Однако эти планы так и остались на бумаге. Одной из главных причин было активное противодействие со стороны британского военного командования и лично Черчилля, видевших в них угрозу своим «особым отношениям» с Вашингтоном. Не проявлял активного интереса к советскому участию и Пентагон, хотя относился к такой возможности спокойнее англичан. Заключение союзного договора 1942 г. с Великобританией также было инициативой советской стороны, которая пошла на этот шаг даже без удовлетворения своих важных условий. С Вашингтоном, как известно, дело ограничилось соглашением 1942 г. о принципах оказания помощи по ленд-лизу. На следующем этапе, в ходе подготовки к Московской конференции 1943 г., в Кремле думали о том, как поставить союз «Большой тройки» на более прочную и долговременную основу. Был подготовлен проект послания Сталина Рузвельту и Черчиллю (датированный 25 сентября), в котором для обсуждения на предстоящей конференции выдвигалась идея заключения военно-политического союза трёх великих держав. Имелось в виду, опираясь на советско-английский договор 1942 г., заключить соглашение, предусматривавшее «ещё большее укрепление нашего боевого союза в борьбе против гитлеровской Германии, а также дальнейшее развитие нашего сотрудничества в послевоенное время в интересах мира и безопасности

⁴ War Planning. The Armament Group, Council on Foreign Relations Records, 15/12/1941. H.F. Armstrong Papers, *S. Mudd Manuscript Library*. Princeton, New Jersey.

⁵ A Supreme War Council for the United Nations. The Armament Group, Council on Foreign Relations Records. August 31, 1942.

народов». Такое соглашение, подчёркивалось в документе, «не должно быть простой декларацией, но должно быть соглашением, определяющим политические отношения между нашими странами как в период войны, так и в послевоенный период на длительный срок». Подобная мера, говорилось в тексте, могла бы иметь «выдающееся значение»⁶. Послание осталось неотправленным, а сам этот вопрос на Московской конференции не поднимался. Видимо, в Кремле решили, что почва для его конструктивного обсуждения была ещё не готова. Но сам факт хождения подобной идеи в советском руководстве говорит о том, что в Кремле продолжали искать пути к дальнейшей институционализации антигитлеровской коалиции, превращению её в прочный военно-политический союз, выходящий за рамки войны. С точки зрения теории международных отношений, это означало бы более высокую – союзную – форму интеграции межгосударственного взаимодействия по сравнению с коалициями (Истомин 2018: 250–251).

Глубокие изменения стратегической обстановки и сжатие кольца вокруг Германии с запада и востока ставили в повестку дня дальнейшее усиление координации военных действий союзников. Эта проблема по инициативе американской стороны обсуждалась на англо-американском совещании «Секстант» (ноябрь 1943 г.), но не получила решения ввиду сопротивления британской стороны. В конце июня 1944 г. на встрече с послом США А. Гарриманом Сталин впервые поднял вопрос о создании механизма совместного военного планирования трёх держав. Эта инициатива вызвала новый виток дебатов в кругах англо-американского военного командования. Американские военные соглашались с тем, что заключительный этап совместных военных операций в Европе и задачи последующей оккупации Германии требуют совместного военного планирования всех трёх держав; попытки решать эти задачи на двусторонней основе в рамках существующего англо-американского штаба будут малоэффективными и только «усилят подозрения и недоверие русских», говорилось в заключении Объединённого комитета стратегического обзора КНШ США. Кроме того, предстоящее вступление СССР в войну с Японией делает советско-американское взаимодействие, по крайней мере, «не менее, а то и более важным», чем американо-британское⁷. Похожие идеи курсировали и в недрах Форин Офис. Некоторые сотрудники курировавшего СССР Северного департамента предлагали в развитие советско-британского договора 1942 г. учредить периодические военно-штабные консультации между двумя странами с их продолжением

⁶ Личное и секретное послание премьера И.В. Сталина президенту г-ну Ф.Д. Рузвельту и премьер-министру г-ну У. Черчиллю, 25.9.1943 г. *Российский государственный архив социально-политической истории*. Ф. 588. Оп. 11. Д. 263. Л. 81.

⁷ Machinery for coordination United States-Soviet-British military effort. Report by the Joint Strategic Survey Committee, 31 August, 1944. *Franklin D. Roosevelt Library*, Hyde Park, New York (далее – FDRL). President's Secretary File. American-British Joint Chiefs of Staff.

и в послевоенный период. Такие контакты, по мнению авторов, способствовали бы большему взаимопониманию и компромиссному урегулированию советско-британских противоречий в сфере безопасности, снижая взаимные подозрения⁸.

Однако эта идея, как и упомянутое предложение американских военных, были отвергнуты Черчиллем и британским военным командованием. В заключении британского КНШ по упомянутой инициативе Сталина и мнению американского командования в качестве главного аргумента приводился довод о том, что такой верховный трёхсторонний орган будет несовместим с англо-американским штабом, будучи «более представительным, а значит – способным получить над ним юрисдикцию». Подобная перспектива Лондон явно не устраивала, и вместо этого англичане предлагали усилить союзную координацию на уровне военных миссий США и Великобритании в Москве⁹. Американское военное командование не стало перечить ближайшему союзнику, и в результате институционализация военно-стратегического планирования с равноправным участием СССР не состоялась. Союз «большой тройки» так и не получил полноценного трёхстороннего формата юридически обязывающих договорных обязательств.

Проблема равенства

Здесь встаёт вопрос о равноправии членов коалиции. Разумеется, полное их равенство вряд ли возможно с учётом разницы военно-экономических потенциалов и других факторов. Однако логика коалиционного взаимодействия требует хотя бы согласованности действий участников. Но долгое время не было и этого: важнейшие стратегические решения союзников (об операциях «Факел», «Хаски», откладывании открытия второго фронта на совещании «Трайидент» летом 1943 г.), во многом определившие ход войны, принимались без согласования с СССР, который ставился в известность о них задним числом. В этом отстранении Москвы сказывался комплекс превосходства и недоверия англосаксов (особенно англичан) в отношении нового, и, по их мнению, недостаточно цивилизованного союзника. Летом 1943 г. вернувшийся из Лондона посол И.М. Майский попенял британскому послу в Москве А. Керру на то, что англичане обращаются с русскими как с «бедными сельскими родственниками», а не как с равными – как, например, с американцами. «Я протестовал, – писал Керр приятелю из Форин Офис, – но в глубине души понимал, что он прав. Я чувствую, что мы по-прежнему держим их на расстоянии и не пускаем в свой клуб.

⁸ G. Wilson's minute, August 10, 1944. *The National Archives, Kew Garden, UK*. (далее – TNA). Foreign Office (далее – FO) 371/43306.

⁹ Proposed Combined Committee in Moscow. Memorandum by the British Chiefs of Staff. 29 August, 1944. *FDRL*. President's Secretary File. American-British Joint Chiefs of Staff.

Их всё ещё проверяют на входе, члены клуба смотрят на них с подозрением и всячески дают понять, что им здесь не место. В то же время с американцами мы лезем из кожи вон, чтобы они чувствовали себя с нами как дома: они даже заседают вместе с нами в правлении клуба и меняют его правила. Короче говоря, с Вашингтоном мы *советуемся*, а Москву просто *информируем* (курсив в оригинале – авт.). Таким образом мы не добьёмся ничего или почти ничего. Наши сельские кузены, которые всё видят, но которых не пускают, в один прекрасный день махнут рукой на наш клуб и устроят свой собственный. И мы тщетно будем стучаться в дверь, чтобы нас пустили... нам необходимо перестать быть снобами и тем более – глупцами. Чем скорее мы осознаем, что они заработали своё место в правлении, тем лучше»¹⁰. Керру вторил и другой сторонник равноправного сотрудничества с СССР – ответственный сотрудник Северного департамента Форин Офис Дж. Вильсон. «Я убеждён как никогда ранее, – писал он Керру в мае 1944 г., – что русские хотят быть разумными, но влиятельными членами клуба, хотя и считают его некоторые правила глупыми и хотели бы их изменить. Они стали его членами, но в некоторые комнаты их до сих пор не пускают... Вина за это лежит на обеих сторонах, но, по моему мнению, следует лезть из кожи вон, чтобы новый член чувствовал себя как дома, если вы хотите, чтобы он оставался с вами»¹¹.

Отношения внутри «Большой тройки» можно рассматривать ещё и как межкультурный диалог представителей двух во многом разнонаправленных социокультурных традиций – англо-американской и советско-российской. Эта принадлежность окрашивала их взаимное восприятие, существенно осложняя взаимопонимание. Рузвельта и Черчилля объединял комплекс англо-американской исключительности и превосходства, убеждение в цивилизаторской миссии англоязычных народов по отношению к остальному миру, включая «полуварварскую» Россию. В Сталине они видели пусть выдающегося, но всё же варварского лидера – «Атиллу», как за глаза называли его некоторые британские деятели. Образ медведя применительно к Сталину, часто встречающийся в переписке Черчилля с Иденом, наглядно отражает глубоко закоренелый стереотип британской русофобии, уходящий в далёкое прошлое (Дегоев 2022; Володин, Филатов 2023). Сталин, со своей стороны, унаследовал традиционное российское представление о коварстве Запада (усиленное большевистским менталитетом) и видел в политике лидеров англо-саксонского мира типичное эгоистическое стремление использовать Россию в своих интересах, не заботясь о её нуждах. Современник Первой мировой войны, он ожидал, что и на сей раз западные союзники будут стремиться использовать Россию в качестве пушечного мяса

¹⁰ A. Kerr to Ch. Warner, 10 August 1943. TNA. FO 800/302.

¹¹ G. Wilson to A. Kerr, 15 May, 1944. TNA. FO 800/302.

с помощью различных геополитических посулов, от которых потом откажутся под благовидными предложениями. «Они настороже в отношении нас, а мы с их отношении ещё более», – говорил об этой взаимной насторожённости В.М. Молотов (Чуев 2000: 79). Эта культурно-цивилизационная дистанция накладывала определённые пределы на союзное сотрудничество, хотя в годы войны она и отошла на второй план.

Ситуация в отношениях внутри «Большой тройки» начнёт меняться с Московской и Тегеранской конференции, когда СССР станет ключевым участником коллективной выработки союзной стратегии. Русские показали, докладывал Черчиллю Э. Иден по итогам Московской конференции, что «они готовы сотрудничать с нами по всем направлениям, если мы дадим им понять, что их воспринимают как равных во всех отношениях, что мы ничего от них не утаиваем»¹². Посол Керр также видел главную причину этого нового настроя в том, что «Советы впервые почувствовали, что они свободно допущены как равные в наш интимный круг, из которого, на их взгляд, они до сих пор были исключены»¹³. Конференция, по словам её участника, известного американского дипломата Ч. Болена на совещании дипломатов посольства США в Москве, ознаменовала «возвращение СССР в качестве члена сообщества наций, наделённого соответствующей ответственностью»¹⁴. Казалось, что Москва, наконец, входит в правление клуба великих держав, о котором писал Керр. Но это членство оказалось кратковременным.

«Просвещённый эгоизм» и верность обязательствам

Следующий неписанный принцип коалиционных отношений можно назвать «просвещённым эгоизмом». Его чётко сформулировал Майский в депеше Сталину осенью 1942 г. «Не может быть двух мнений о том, что наши союзники – тяжёлые союзники, в частности, Англия, – писал он, – но, поскольку других союзников нет, надо брать с имеющихся то, что с них можно получить»¹⁵. С британской стороны ему вторил главный помощник Э. Идена О. Харви, который записал в дневнике после разгрома немцев под Сталинградом: «Русские очень утомительные союзники: они назойливы, неуклюжи, неблагодарны, скрытны, полны подозрений и беспрестанно требуют большего, но они делают своё дело» (Harvey 1978: 219).

¹² From Moscow to Foreign Office, November 2, 1943. 2017. *The Churchill Documents*. M. Gilbert and L. Arnn. Vol. 19. *Fateful Questions*, September 1943 to April 1944. Hillsdale. P. 760.

¹³ From DO to Canada e.a., 8 November 1943. *TNA*. FO 371/37031.

¹⁴ Staff Meeting at American Embassy, November 9, 1943. *Library of Congress Manuscript Division* (далее – LC MD), William A. Harriman Papers, Chronological File, Cont.170.

Антигитлеровская коалиция (как и другие объединения такого рода) была браком по расчёту, в котором каждый участник стремился использовать партнёров в собственных интересах, экономя при этом свои ресурсы. «Просвещённость» такого эгоизма состоит в правильном осознании своих долгосрочных интересов и понимании необходимости учитывать при этом интересы партнёров по коалиции. Руководство «Большой тройки» исходило из общности главного стратегического интереса – разгрома стран «оси» и необходимости подчинения ему всего остального. Рузвельт, Черчилль и их окружение прекрасно понимали, что без Советского Союза им не справиться со странами «оси»: «вся наша судьба зависит от них» (т.е. русских), – писал Черчилль Рузвельту в октябре 1943 г.¹⁶ Путеводной звездой всей англо-американской стратегии было, во-первых – «держать Россию в войне» (*keep Russia in the war*), по выражению Черчилля (Gilbert 1983: 1198–1199), а во-вторых, максимизировать советский вклад в разгром врага (прежде всего, Германии). Уже в первом наброске американской стратегии в войне (сентябрь 1941 г.) особая важность придавалась «сохранению активного фронта в России», который «представляет наилучшую возможность для успешных сухопутных наступательных операций против Германии, поскольку только Россия обладает достаточными людскими ресурсами и благоприятным географическим положением в близости к центру германской военной мощи... Даже если советские вооружённые силы будут отброшены за Уральские горы, но сохранят способность к организованному сопротивлению, то всегда останется надежда на полный и окончательный разгром Германии в ходе сухопутных операций»¹⁷. Черчилль почти дословно повторял этот тезис в июльских (1941 г.) указаниях своему командованию: «Выгоды, которые мы получим, если Россия сможет удержаться и продолжить войну, по крайней мере до наступления зимы, неисчислимы... Покуда они сражаются, не так уж важно, где проходит линия фронта. Эти люди доказали, что заслуживают поддержки, и мы должны пойти на жертвы и риск даже с неудобствами для себя, чтобы поддерживать их моральный дух»¹⁸.

Впрочем, на жертвы, риск и неудобства союзники шли очень скупно. Советской стратегии лобового противоборства они противопоставили стратегию «лёгкой для себя войны» (по словам того же Майского), предоставляя Красной армии перемалывать основную мощь вермахта. «Как только стало ясно, что Советский Союз переживёт шок первого удара германских армий..., – писал впоследствии в рабочих заметках “для себя” тот же Ч. Болен, – сформировалось

¹⁵ *Документы внешней политики СССР* (далее – ДВП). 1942. Тула, 2000. Т. XXV. Кн. 2. С. 323.

¹⁶ *The Churchill Documents*. Ed. by M. Gilbert and L. Arnn. Vol. 19. *Fateful Questions*, September 1943 to April 1944. Hillsdale, 2017. P. 663.

¹⁷ Joint Board Estimate of United States Over-All Production Requirements (September 11, 1941). *FDRL*. President's Secretary File. American-British Joint Chiefs of Staff

¹⁸ Gilbert M. 2000. *The Churchill War Papers*. Vol. III. *The Ever-Widening War 1941*. London. P. 921.

прочное согласие британского и американского военного командования в том, что удержание русских армий в активной войне с Германией есть самая важная задача и залог победы союзников в войне (подчёркнуто мною – авт.). В глазах наших военных властей эта основополагающая установка сохранялась в силе вплоть до окончательной победы в мае 1945 года»¹⁹. В самом деле, советско-германский фронт оставался первым фронтом на всём протяжении войны. «Когда бы союзники ни открыли на континенте второй фронт, – отмечал глава Комитета стратегического обзора американского Комитета начальников штабов генерал С. Эмбик в августе 1943 г., – он будет явно второстепенным по отношению к русскому фронту, который останется главным. Без России в войне страны “оси” не могут быть побеждены в Европе, и положение Объединённых Наций останется крайне шатким»²⁰. Можно привести множество других признаний этого непреложного факта военными руководителями США и Великобритании, но закончим цитатой из программного доклада британского КНШ «Американо-британская стратегия» от 30 октября 1942 г.: «В настоящее время русская армия является единственной силой, способной разгромить или хотя бы сдержать германскую армию. Великобритания и Америка не могут рассчитывать бросить вызов основным силам “оси” на суше. Надеюсь, что Сталин не увидит этого», – начертал на полях против этого абзаца Черчилль²¹. А ведь Сталин вполне мог и увидеть этот документ с помощью «Кембриджской пятёрки» и своих разведчиков в Лондоне. В Кремле были хорошо осведомлены о скрытых оценках и планах союзников, что отнюдь не способствовало укреплению доверия к ним.

Англо-американская стратегия «лёгкой войны для себя» дала свои плоды. По совокупным военным и гражданским потерям СССР потерял почти каждого седьмого из своих граждан, Великобритания – одного из 127, а США – одного из 320 человек (Harrison 1998: 184–186; Ready 1996: 322–333; Кривошеев 2010: 219). Недаром Черчилль вскоре после войны в частной переписке с удовлетворением отмечал (малоизвестная цитата), что, в отличие от Первой мировой войны, «эта война велась умело» и завершилась «безоговорочной капитуляцией всех наших противников при очень большой экономии человеческих жизней на англо-американской стороне» (Кульков 2002: 250).

Советское руководство тоже понимало всю важность экономического и военного вклада западных союзников в разгром общего врага. Известны слова Сталина в Ялте о том, что «Если бы не ленд-лиз, то победа была бы сильно за-

¹⁹ General Situation in 1941. *National Archives*. College Park, Maryland (далее – NA). Record Group (далее – RG) 59. Records of Charles E. Bohlen, 1944–52. Box 8.

²⁰ Memorandum for Mr. H. Hopkins, August 10, 1943. *FDRL*. H. Hopkins Papers. Box 217.

²¹ American-British Strategy, 30 October, 1942. *TNA*. *PREM* 3/499/6.

труднена»²². Только объединение ресурсов и усилий трёх великих держав, как хорошо понимали в Кремле, создавало необходимое и явное превосходство союзников над опаснейшим противником.

Советская сторона не обольщалась насчёт подлинных мотивов союзников, о чём те хорошо знали. «Россия не доверяет нам, – писал, например, своему руководству один из главных военных планировщиков США генерал А. Ведемейер, – и, реально говоря, прекрасно понимает, что наш внезапный дружественный интерес является сугубо эгоистическим»²³. Москва также следовала принципу разумного эгоизма, стремясь получить от союзников всё, что можно. Но ключевое отличие состояло в том, что СССР был гораздо честнее западных партнёров в выполнении своих обязательств перед ними. «Выполняй принятые на себя обязательства» – ещё одна заповедь союзных отношений, важнейшее условие дееспособности любой союзнической коалиции. В отличие от неоднократных нарушений союзниками своих обязательств по второму фронту, Москва скрупулезно выполнила свои обещания помочь высадке союзников в Нормандии собственным мощным наступлением (операция «Багратион») и вступить в войну с Японией. Кроме того, советское командование пошло навстречу просьбе союзников отвлечь силы вермахта в ходе его последнего мощного прорыва в Арденнах, причём сделало это не в силу формальных обязательств, а руководствуясь «долгом союзника», как сказал Сталин на Ялтинской конференции²⁴. В «больших военных вопросах», напомнит военный министр США Г. Стимсон президенту Трумэну в конце войны, Советский Союз был верен своим обязательствам²⁵.

Проволочки со вторым фронтом – главный и, казалось бы, хрестоматийный пример недобросовестности (мягко говоря) союзников. Но при этом в тени обыкновенно остаются два важных обстоятельства. Первое: союзники полностью отдавали себе отчёт в рискованности своих решений по отсрочке вторжения в Нормандию. В своё время автор первым опубликовал прогноз военного командования США лета 1942 г. на тему «Если Россия падёт». Поражение Красной армии под Сталинградом и переброска хотя бы половины сил вермахта на западный фронт, говорилось в нём, будут иметь катастрофические последствия: европейский континент будет потерян для союзников, Германия подчинит себе ресурсы СССР и «станет практически непобедимой в прямом противоборстве»,

²² Крымская конференция руководителей трёх союзных держав – СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.). 1979. *Советский Союз на конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.* Т. 3. Сборник документов. Москва. С. 143.

²³ Military Policy Toward Russia. Memorandum for General Handy, December 12, 1942. LC MD. H. Arnold Papers. Military Subject File. Box 201.

²⁴ Крымская конференция руководителей трёх союзных держав – СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.). 1979. *Советский Союз на конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.* Т. 3. С. 61, 62.

²⁵ *Foreign Relations of the United States. 1945. 1967.* Vol. V. Europe. Washington. P. 252–255.

Британская империя развалится, немецкие и японские войска могут соединиться на Ближнем Востоке, США будут блокированы в Западном полушарии и перейдут к глухой обороне²⁶. Тем не менее союзники пошли на этот огромный риск, отказавшись от операции «Кувалда» – высадки в Нормандии в 1942 г. силами хотя бы 8–10 дивизий, которая могла бы отвлечь часть немецких сил с Восточного фронта и помочь Советскому Союзу выстоять в критический момент войны. Напрасно Майский напоминал Черчиллю о подвиге армии Самсонова, которая в 1915 г. спасла Париж ценой самопожертвования в ходе наступления в Восточной Пруссии. Союзники не хотели жертвовать своими людьми, надеясь, что СССР всё же выстоит. «Я твёрдо уверен, что Россия продержится эту зиму», – писал Рузвельт премьеру Черчиллю в октябре²⁷. Визит премьера в Москву (в августе 1942 г.), сообщил Майский Сталину, ещё больше укрепил веру Черчилля в то, что «СССР даже в самом худшем случае как-то "выдюжит", что спина у СССР крепкая»²⁸. К счастью для всего мира, надежда эта оправдалась. А если бы нет?

Второе обстоятельство: в своём кругу лидеры союзников осознавали моральную ущербность своей эгоистической позиции и даже порой испытывали чувство вины. Наши западные коллеги не любят об этом говорить, но если покопаться в документах, примеры тому найти можно. «Ужасно, – сетовал Черчилль Гопкинсу в феврале 1943 г., – что на протяжении апреля, мая и июня ни один американский или британский солдат не убьёт ни одного немецкого или итальянского солдата в то время, когда русские преследуют 185 (германских – авт.) дивизий... Мы подвергнемся горьким упрекам со стороны русских» (Gilbert 2013: 338). Глава Северного департамента Форин Офис К. Уорнер в июле 1943 г. писал послу А. Керру: «Главная беда, на мой взгляд, состоит в том, что в период их *умиротворения* (курсив мой – авт.) мы надавали русским поспешных обещаний, которые теперь не можем выполнить. Возможно, оно того и стоило, хотя лично я в этом сильно сомневаюсь»²⁹. После Тегерана Черчилль, пытаясь склонить Рузвельта к своей средиземноморской стратегии, предложил пожертвовать ради этого согласованной в Тегеране операцией «Энвил» по высадке на юге Франции. Рузвельт, однако, пресёк эти поползновения, понимая, что лимит нарушенных обещаний союзниками уже исчерпан. «Мы уже надавали русским

²⁶ Strategic Policy of the United Nations and the United States on the Collapse of Russia, August 7, 1942. NA. RG 165. ABC 384. USSR (6-1-42).

²⁷ Churchill and Roosevelt: The Complete Correspondence. Vol. 1–3 (далее – Churchill and Roosevelt). Edited by W. Kimball. Princeton, 1984. Vol. I. P. 643.

²⁸ Майский – Сталину, 22.10.1942. 2013. Великая победа: многотомное продолжающееся издание под общей редакцией С.Е. Нарышкина и академика А.В. Торкунова. МГИМО. Т. 9. С. 397–398.

²⁹ Ch. Warner to A. Kerr, 8 July 1943. TNA. FO 800/302.

обещаний, которых не смогли выполнить, – говорил он на встрече с членами КНШ 21 февраля. – Мы нарушали обещания в прошлом и нам не следует этого делать впредь»³⁰.

Неудивительно, что в Москве решение союзников об отказе от второго фронта в 1942 г. вкупе с остановкой ими поставок по северному маршруту ленд-лиза было воспринято крайне серьёзно. «Таким образом, – подытоживал в телеграмме в НКВД суть происходящего Майский, – в самый критический для нас момент мы оказались по существу брошенными на произвол судьбы нашими союзниками». Посол называл две основные причины бездействия союзников: «желание видеть взаимное истощение Германии и СССР» и «страх англо-американской верхушки перед военной мощью Германии»³¹. И даже «западник» Литвинов писал в одной из депеш того времени: «Американцы и англичане считают идеальным такое положение, когда немцы будут нас бить и оттеснять, лишь бы существовал где бы то ни было, хотя бы в Западной Сибири, какой-то фронт, приковывающий германские силы до тех пор, пока они через год или два, добившись значительного превосходства в авиации, не смогут начать наступательные действия. Мы должны быть ослаблены настолько, чтобы не говорить слишком громко при заключении мира»³². Как видим, ветеран советской дипломатии почти дословно угадывал приведённые выше формулировки Черчилля («неважно, где проходит линия фронта») и американского командования («даже если советские вооружённые силы будут отброшены за Уральские горы»). Недаром Сталин в известном послании союзникам в ответ на их сообщение об отмене второго фронта в 1942 г. писал: «Советское Правительство не может примириться с подобным игнорированием коренных интересов Советского Союза в войне против общего врага ... дело идёт здесь не просто о разочаровании Советского Правительства, а о сохранении его доверия к союзникам, подвергаемого тяжёлым испытаниям» (Печатнов, Магадеев 2015b: 487).

Сохранять единство

Сохранять единство коалиции – ещё одна заповедь коалиционной дипломатии. «Стратегический консенсус» «Большой тройки» порождал готовность лидеров подчинить достижению главной общей цели всё остальное: идеологические разногласия, второстепенные политические интересы, бюрократические препятствия и личные расхождения, включая самолюбие и другие эмоции. Это помогало находить общие компромиссные решения и выход из самых, каза-

³⁰ Minutes of Meeting between FDR and JCS, Feb.21, 1944. *FDRL*, Map Room Files. Box 24.

³¹ Майский – НКВД, 16 июля, 1942 г. *ДВП*. Т. XXV. Кн. 2. С. 58-59.

³² Литвинов – Молотову, 23 июля 1942 г. *Архив внешней политики РФ* (далее – *АВП РФ*). Ф. 059. Оп. 1. П.368. Д. 2568. Л. 110.

лось бы, неразрешимых кризисных ситуаций, которые периодически возникали в союзных отношениях. В ходе взаимодействия лидеры на опыте научились не переступать грань, за которой грозил последовать разрыв отношений. «Всё, что угодно, но только не разрыв!» – твердил Майскому Черчилль, взволнованный возможной реакцией Сталина на сообщение об очередной приостановке северных конвоев весной 1943 г.³³ Известны и другие примеры отхода лидеров от точки невозврата. Черчилль во время своего визита в Москву (август 1942 г.) чуть не уехал раньше времени, возмущённый суровым сталинским обвинением в нарушении взятых на себя обязательств. Он признался послу Керру, что накануне «едва заставил себя подать ему (Сталину – авт.) руку». «Понимает ли он, с кем разговаривает? С представителем самой могущественной империи, какую когда-либо видел мир!» – возмущался британский аристократ, оскорблённый выговорами со стороны «какого-то крестьянина» (Moran 1966: 80). Керр едва уговорил его повременить с отъездом, а Сталин, со своей стороны, не хотел отпускать Черчилля с пустыми руками и обезоружил премьера неожиданным ночным приглашением на ужин в своей квартире, где оба впервые поговорили по душам. На следующий день, писал своему другу Керр, Черчилль только и говорил, что о Сталине: «Сталин то, Сталин сё... Он установил дружбу со Сталиным и счастлив этому. Сталин был великолепен. Что за удовольствие – работать с этим великим человеком!»³⁴. Ответственные переговоры были спасены. Эмоциональный Черчилль впоследствии не раз порывался прервать переписку со Сталиным после выговоров с его стороны, но каждый раз возобновлял её первым.

Свои кризисы бывали и в отношениях между Рузвельтом и Сталиным. Самый острый из них возник на почве известного «бернского инцидента» – секретных контактов американской разведки с немецким командованием в Швейцарии (март 1945 г.), на которые союзники отказались пригласить советских представителей. Но и в этой напряжённой ситуации оба лидера сочли за благо в последний момент сгладить инцидент. В ходе войны не раз обострялся польский вопрос, однако союзники общими усилиями не дали ему подорвать единство действий в борьбе с общим врагом. Руководство союзных стран поддерживало дружественный тон в пропаганде, воздерживаясь, в частности, от публикаций, способных навредить союзным отношениям. Так, в марте 1944 г. Госдепартамент блокировал план комитета Палаты представителей по расследованию антиамериканской деятельности предать огласке рукопись книги Л. Троцкого о Сталине, а в июне того же года отложил публикацию очередного тома официальной серии «Документы внешних сношений США», посвящённого Парижской мирной конференции 1919 г. и содержавшего обсуждение

³³ Майский в НКВД, 31.III.1943. АВП РФ. Ф. 059а. Оп. 7. П. 13. Д. 6. Л. 258–260.

³⁴ A. Kerr to Ch. Warner, 17 Aug. 1942. TNA. FO 800/300; См. также: Moran Ch. Winston Churchill: The Struggle for Survival. P. 82–83. Подробнее см.: (Печатнов 2017: 177–178).

планов антисоветской интервенции стран Антанты. «Мы не должны вредить нашим отношениям с Советским Союзом, пока продолжается война с Германией», – говорилось в заключении ведомства³⁵. «Покуда продолжается война...» – запомним эту важную оговорку.

Руководители англо-американской дипломатии пытались сдерживать подспудный антисоветизм своих военных, разведчиков и дипломатов, среди которых такие настроения были широко распространены. Особенно грешили антисоветским снобизмом британские военные, в том числе, командированные в СССР. Понимая, что их высказывания подобного рода вредят делу и доходят до ушей советских органов, руководство Форин Офис пыталось пресекать эту «антирусскую болтовню» и обращать внимание военного командования на наиболее злостных её разносчиков. «Всё чаще можно слышать, как американцы, особенно военные, говорят о том, что созданная ими огромная армия со временем пригодится для войны с русскими, и обсуждают в этой связи преимущества аляскинского маршрута, – говорилось в меморандуме упомянутого сотрудника Форин Офис Дж. Вильсона для руководства ведомства (май 1944 г.). – Британские офицеры на Ближнем Востоке говорят о России со слегка завуалированной враждебностью, а члены нашей военной миссии в Москве (по крайней мере, до последнего времени) не скрывали своей неприязни и презрения к русским. Все эти разговоры отнюдь не ограничиваются военными кругами и, несомненно, доходят до русских, причём в преувеличенном виде. Нет сомнений в том, что те воспринимают их очень серьёзно. Они могут сказать, что если такие разговоры ведутся сейчас, когда русские таскают каштаны из огня для британцев и американцев, то что же будет после окончания войны?»³⁶. Автор меморандума предлагал пересмотреть кадровую политику в отношении британского персонала, контактирующего с советскими представителями, и дать строгое указание всей гражданской и военной бюрократии воздерживаться от антисоветских высказываний. Документ получил поддержку Э. Идена, который планировал представить его на рассмотрение самому Черчиллю.

Нечто похожее происходило и на американской стороне, где главным мотором позитивного настроения в отношении СССР был Комитет советского протокола, курировавший оказание помощи Советскому Союзу и работавший под руководством верного соратника президента Ф. Рузвельта Г. Гопкинса. Под его редакцией в Комитете был подготовлен проект президентской директивы секретарю и главам военных министерств с требованиями ко всем должностным лицам, имеющим дело с советскими представителями. Авторы хотели вложить в уста президента следующие слова: «Я убеждён, что искренняя дружба и взаимопонимание между СССР и США жизненно важны для победы в войне

³⁵ Policy Committee Minutes, March 10, June 19, 1944. NA. RG 59. Records of H. Notter, 1949–1945. Box 138.

³⁶ Minute by G. Wilson, 26 May, 1944. TNA. FO 371/43305.

и будущего мира. Я также убеждён, что взаимопонимание лучше всего достигается проявлением сочувственного понимания советских проблем и задач, искренностью и откровенностью, а также предупредительным ко всем советским представителям в духе демократического равенства... Настаиваю на том, чтобы эта политика была принята к немедленному исполнению, и чтобы любые должностные лица, представляющие нашу страну в отношениях с СССР и не разделяющие данную политику, подлежали замене»³⁷. По сути, подразумевалась своего рода чистка госаппарата от антисоветских элементов. Но обе эти попытки оказались безуспешными: Иден в итоге не представил меморандум Вильсона премьер-министру, а меморандум Гопкинса так и остался не подписанным президентом. Подспудный антисоветизм госаппарата западных союзников выйдет наружу сразу после окончания войны.

Соперничество в рамках сотрудничества

Дипломатическое соперничество, в основе которого лежала борьба за сферы влияния, не прекращалось, но оно протекало в общих рамках сотрудничества. Соперничество, ограниченное рамками сотрудничества – ещё одна формула коалиционных отношений, предусматривающая соблюдение определённых правил. Во-первых, оно не должно приводить к разрыву; во-вторых – сопровождаться согласованием, информированием, а главное – учётом интересов партнёра. Вот несколько примеров подобного «конкурентного сотрудничества».

В таком алгоритме происходила выработка общей позиции в отношении Италии и других сателлитов Германии, постепенно покидавших тонущий корабль «третьего рейха». Хотя каждая сторона при этом стремилась добиться для себя односторонних преимуществ и закрепить собственное доминирование в своих сферах влияния, союзники соблюдали правила коалиционной дипломатии, согласовывая свои действия (прежде всего, условия перемирия с сателлитами) друг с другом. В ходе такого согласования постепенно выработался негласный компромисс: де-факто признание преобладания интересов партнёра в приоритетных для него регионах при сохранении своего присутствия в союзных контрольных органах для оказания посильного влияния на его политику.

Первый прецедент такого рода был создан в ходе переговоров по обращению с Италией после её выхода из войны. Поначалу союзники попытались исключить СССР из участия в итальянских делах, рассматривая Италию как свою важную сферу влияния. Сталину удалось настоять на создании трёхсторонней военно-политической комиссии, которая обладала бы всеми контрольными полномочиями в Италии (за исключением руководства военными

³⁷ Memorandum for the Secretaries of State, War and Navy. *FDRL*. O. Cox Papers. Book 5 (Aid to Russia).

операциями)³⁸. Такое решение предоставило бы Советскому Союзу реальное участие в важнейших итальянских делах на равных с США и Великобританией. Однако именно поэтому данный вариант явно не устраивал западных союзников, которые взяли курс на выхолащивание полномочий комиссии. Хотя англо-американцы, по словам американского историка У. Кимбэлла, «хотели бы избежать создания исключаящего прецедента, который Сталин мог бы затем использовать против них, опасность допуска русских в Италию представлялась слишком большой, особенно – с учётом сильного влияния итальянских коммунистов» (Kimball 1997: 223). Так оно и получилось: не добившись равного участия в Италии, Сталин впоследствии использовал этот прецедент для минимизации роли союзников в контрольных органах, создаваемых в Восточной и Юго-Восточной Европе. Однако, следуя духу союзной солидарности, Москва не только исправно информировала союзников о переговорах с сателлитами Германии, но и согласовывала с ними условия перемирий. Эти согласования бывали сложными и даже напряжёнными (как, например, в случае с Румынией), но советская сторона при всём скрытом раздражении «назойливостью союзников» (выражение А.А. Громыко) учитывала их интересы и пожелания (Внешняя политика и дипломатия... 2014: 379–403).

Похожая гибкость была проявлена советской дипломатией и в вопросе о признании Французского комитета национального освобождения: при всём позитивном отношении к организации де Голля, СССР пошёл навстречу стремлению союзников отложить этот шаг. Важной вехой в дальнейшей институционализации антигитлеровской коалиции стало заключение советско-французского военно-политического договора в декабре 1944 г. И в этом случае были соблюдены все принципы союзной дипломатии: Москва не только информировала западных союзников о ходе переговоров с де Голлем, но и учла пожелания ревностно следивших за ними англичан при формулировании условий договора (Печатнов, Магадеев 2015b: 336–338; Зуева 2010). Ещё один пример учёта мнения партнёров по коалиции: столкнувшись с негативной реакцией союзников на создание Комитета «Свободная Германия» (в котором те увидели зачаток будущего просоветского правительства в побеждённой Германии), в Кремле отказались от планов создания аналогичных комитетов с участием итальянских, венгерских и румынских военнопленных (Ванас 2003: 276, 284). Известное решение о роспуске Коминтерна в мае 1943 г. также имело «западный прицел» и не случайно было воспринято англо-американцами как «надёжный сигнал того, что советское правительство хотело бы улучшения отношений с Великобританией и США»³⁹.

³⁸ Обмен этими письмами см.: Советско-американские отношения в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945. 1984. *Документы и материалы*. Москва. В 2 тт. Т. 1. 1941–1943. С. 368–369, 371–372.

³⁹ Из ежегодного отчёта британского посольства за 1943 г. (Review of Soviet Foreign Policy During 1943. February 8, 1944). NA, RG 84, 800 Soviet Union. Box 46.

Показательно и соблюдение лидерами этики коалиционной дипломатии в отношениях друг с другом. Летом 1943 г. Сталин вежливо уклонился от двусторонней встречи с Рузвельтом, который через своего эмиссара Дж. Дэвиса настойчиво искал личного контакта с советским вождём в обход Черчилля. Хозяин Кремля умел использовать разногласия между своими западными союзниками, но не хотел создавать впечатление советско-американского «сговора» против англичан, как и советско-британского «сговора» против американцев. Последнее соображение проявилось во время советско-британских переговоров 1942 г. о заключении союзного договора (когда Сталин убедил Черчилля заручиться согласием на них Вашингтона), а также во время его встречи с Черчиллем в октябре 1944 г., о которой он предложил информировать Рузвельта. Рузвельт, со своей стороны, старался избегать сепаратных переговоров с Черчиллем накануне встреч «Большой тройки» в Тегеране и Ялте, а когда накануне Тегерана такая встреча всё же состоялась в Каире, он, вопреки сопротивлению премьера, настоял на приглашении туда советских представителей. «Было бы ужасной ошибкой, – писал он Черчиллю, – если бы Дядюшка Джо счёл, что мы сговариваемся о военных действиях без него... По крайней мере, у них не будет ощущения, что им дают от ворот поворот»⁴⁰. Другое дело, что в Кремле решили не воспользоваться этим приглашением, когда узнали, что в каирской встрече примет участие и Чан Кайши.

Заключение

Последняя заповедь коалиционной дипломатии – «не обманывать союзника». На заключительном ужине в Ливадийском дворце во время Ялтинской конференции Сталин произнёс тост, зафиксированный англичанами: «Союзники не должны обманывать друг друга. Возможно, это наивно, и опытные дипломаты могут спросить – “Почему не обмануть союзника?” Но я, как наивный человек, думаю, что всё же лучше не обманывать своего союзника, даже если он дурак. Возможно, наш союз потому и крепок, что мы не обманываем друг друга, а может быть – потому, что не так уж легко обмануть друг друга?» (Черчилль 2014: 521–522). Не намекал ли Сталин своим союзникам, что обмануть его всё равно не удастся? Знал ли он, что в Ялте Рузвельт заговаривал с Черчиллем о том, чтобы рассказать Сталину о близившемся к завершению «Манхэттенском проекте», но «шокированный» этой идеей премьер остановил президента⁴¹? Говорил же Сталин позднее послу А.А. Громыко, что Рузвельт в Ялте «мог бы просто мне сказать, что ядерное оружие проходит стадию изготовления. Мы же союзни-

⁴⁰ Churchill and Roosevelt. Vol. II. P. 597.

⁴¹ Foreign Secretary, 25.3.45. TNA. PREM 3/139/6.

ки» (Громыко 1990: 277). В любом случае, сохранение атомного секрета в тайне, о которой Сталин хорошо знал, не укрепляло его доверия к союзникам. Знал он и о самом ярком примере вероломства – заказанном Черчиллем плане войны против товарища по оружию под названием «Немыслимое», составленном сразу после капитуляции Германии (Литвин, Мягков 2017: 298–300). Хорошо поставленная советская разведка в США и Великобритании только усугубляла эти подозрения. Вместе с тем, несмотря на взаимные подозрения и обвинения, союзники, как правило, воздерживались от серьёзных сепаратных переговоров с немцами, хотя некоторые неформальные контакты такого рода с западной стороны и имели место.

Говоря об упущенных возможностях и недостатках коалиционной дипломатии в годы войны, в том числе, о низком уровне институционализации антигитлеровской коалиции, ускорившим её развал, нельзя забывать о том, что созданный в годы войны механизм коалиционного взаимодействия обеспечил достижение главной общей цели. «Система коалиционного стратегического руководства вооружённой борьбой, – отмечается в фундаментальном труде российских историков, – несмотря на возникшие внутри коалиции серьёзные противоречия, обеспечила решение большей части задач, которые были поставлены перед их вооружёнными силами, и главное – не привела к развалу антигитлеровской коалиции, на что так рассчитывали в Берлине» (Союзники СССР... 2014: 630). Роль Советского Союза в сохранении этого взаимодействия, как правило, принижается в западной историографии, изображающей СССР своего рода «больным человеком» антигитлеровской коалиции, неспособным к полноценному сотрудничеству с западными демократиями. Вопиющим примером такого подхода выступает недавняя книга американского историка Ш. Макмикина «Война Сталина. Новая история Второй мировой войны», автор которой считает СССР большим злом, чем нацистская Германия, и обвиняет Рузвельта с Черчиллем в порочном выборе главного союзника в войне (McMeekin 2021). На Западе встречаются и более объективные оценки: «Несмотря на взаимные подозрения, – отмечается, например, в недавней “Истории Второй мировой войны” в серии Кембриджского университета, – в действительности советская сторона сотрудничала с западными союзниками чаще и эффективнее, чем это обычно представляется» (Menings, House 2015: 244).

Подводя итоги, можно сказать, что в целом участники «Большой тройки» антигитлеровской коалиции стремились придерживаться основных правил поведения в таких коалициях: соблюдение принятых на себя обязательств, умение сохранять единство коалиции, несмотря на все разногласия и противоречия, способность подчинить всё достижению главной цели – разгрому общего врага. Вместе с тем в ключевых вопросах «большой стратегии» советская сторона гораздо честнее относилась к выполнению своих обязательств, чем западные союзники. Она также проявляла большую готовность к институционализации антигитлеровской коалиции с тем, чтобы повысить степень её интеграции и до-

биться равного участия СССР в процессе принятия важнейших решений по совместному ведению войны и послевоенному урегулированию. Достижению такого равноправия мешало нежелание западных союзников признать Советский Союз в качестве долговременного полноценного партнёра и законного члена «клуба» великих держав. Решающий вклад СССР в разгром нацистской Германии и активность советской дипломатии на время обеспечили Советскому Союзу достойное место в «Большой тройке», однако это признание оказалось кратковременным.

Об авторе:

Владимир Олегович Печатнов – доктор исторических наук, профессор, кафедра истории и политики стран Европы и Америки МГИМО МИД России, Заслуженный деятель науки России. 119154, г. Москва, пр. Вернадского, д. 76, Россия. E-mail: vopechatnov@gmail.com

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

UDC: 94(100)"1939/1945":327.5

Received: October 15, 2023

Accepted : November 25, 2023

Exploring Lessons from Soviet Diplomacy and Western Allied Cooperation in World War II

 V.O. Pechatnov

[DOI 10.24833/2071-8160-2023-6-93-13-36](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2023-6-93-13-36)

MGIMO University

Abstract: Based on an analysis of documentary sources from Russian, American, and British archives, this article delves into the intricacies of coalition diplomacy among the Allies during World War II. It places special emphasis on the adherence to obligations and coalition behavior norms, encompassing respect for partners' interests, maintaining unity amidst divergences, coordinating actions towards shared objectives, and avoiding actions that risk coalition breakdown. The comparative analysis of Soviet and Anglo-American diplomacy reveals that the principal members of the anti-Hitler coalition generally adhered to these norms, contributing to the ultimate defeat of their common adversary. However, the study indicates that the Soviet Union exhibited greater fidelity in fulfilling its obligations and was more proactive in institutionalizing the coalition for enhanced stability and equal participation in strategic deci-

sion-making for war conduct and postwar arrangements. This quest for parity was often impeded by the Western powers' reluctance to accept the Soviet Union as an enduring, equal partner and legitimate member of the great powers' club, both during and after the war. This hesitance, the article argues, was rooted not just in geopolitical considerations but also in deep-seated cultural factors, particularly the traditional Western sense of superiority and perception of Russia as a 'lesser' civilization not fit for inclusion in the Euro-Atlantic community. The article brings to light lesser-known documents from US and UK archives to illustrate this mindset. It also acknowledges dissenting voices in Anglo-American political spheres who advocated for a more equitable relationship with the USSR. However, these perspectives did not significantly alter the overarching direction of Western policy.

Keywords: The Second World War, Soviet diplomacy, anti-Hitler coalition, Stalin, Roosevelt, Churchill

About the author:

Vladimir O. Pechatnov – Dr. of Sciences (History), Professor, Department of European and American Studies, MGIMO, Distinguished Scholar of the Russian Federation. 119454, prospect Vernadskogo 76, Moscow, Russia. E-mail: vopechatnov@gmail.com

Conflict of interests:

The author declares the absence of conflict of interests.

References:

- Banac I. (Ed.). 2003. *The Diary of Georgi Dimitrov, 1933–1949*. New Haven. 547 p.
- Feis H. 1967. *Churchill, Roosevelt, Stalin. The War They Waged and the Peace They Sought. A Diplomatic History of World War II*. Princeton. 702 p.
- Fenby J. 2007. *Alliance. The Inside Story of How Roosevelt, Stalin and Churchill Won the War and Began Another*. MacAdam Cane. 475 p.
- Gilbert M. and Arnn L. (Ed.). 2017. *The Churchill Documents. Vol. 19. Fateful Questions. September 1943 to April 1944*. Hillsdale. 2752 p.
- Gilbert M. 1983. *Winston S. Churchill. Vol. 6. Finest Hour, 1939–1941*. London. 1038 p.
- Gilbert M. 2013. *Winston S. Churchill. Vol. 7. Road to Victory, 1941–1945*. Hillsdale. 1439 p.
- Gilbert M. 2001. *The Churchill War Papers. Vol. III. The Ever-Widening War 1941*. London. 1888 p.
- Harrison M. 1988. Resource Mobilization for World War II: the U.S.A, U.K., USSR, and Germany, 1938–1945. *Economic History Review*, 2nd ser. Vol. XLI. №2. P. 171–192.
- Kimball W. (Ed.). 1984. *Churchill and Roosevelt: The Complete Correspondence. Vol. 1–3*. Princeton. Vol. I. 844 p.
- Kimball W. 1997. *Forged in War. Roosevelt, Churchill and the Second World War*. Chicago. 432 p.
- Lane A. and Temperley H. (Eds.) 1995. *The Rise and Fall of the Grand Alliance, 1941–1945*. Palgrave Macmillan.
- Leffler M. 1991. Adherence to Agreements: Yalta and the Experience of the Early Cold War. *World War II: Crucible of the Contemporary World: Commentary and Readings*. Ed. by L. Lee. New York. P. 325–356.
- McMeekin S. 2021. *Stalin's War. A New History of World War II*. New York. 864 p.

Menings B., House J. 2015. Soviet Strategy. *The Cambridge History of the Second World War*. Ed. by R. Bosworth, J. Maiolo. Vol. 1–3. Vol. 1. Fighting the War. Ed. by J. Ferris and E. Mawdsley. Cambridge. 213–244 p.

Moran Ch. 1966. *Winston Churchill: The Struggle for Survival, 1940–1965*. London. 864 p.

Ready J. 1996. *World War II. Nation by Nation*. Arms and Armour. New York. 352 p.

Stoler M. 2007. *Allies at War: Britain and America against the Axis Powers, 1940–1945*. Bloomsbury Press.

Schroeder P. 1976. *Alliances, 1815–1945. Historical Dimensions of National Security Problems*. Ed. by K. Knorr. University of Kansas.

Snyder G. 1997. *Alliance Politics*. Cornell University Press.

The War Diaries of Oliver Harvey. 1978. London. 399 p.

Walt S. 1987. *The Origins of Alliances*. Cornell University Press;

Walt S. 1997. *Why Alliances Endure or Collapse?* Survival, Spring.

Cherchill U. 2014. *Vtoraia mirovaia voina* [The Second World War]. Book 3. Vol. 5–6. Moscow. 702 p (In Russian).

Chuev F. 2000. Molotov. *Poludержавny vlastelin* [Molotov. Semi-Sovereign Ruler]. Moscow. 736 p. (In Russian).

Degoyev V. 2022. Kratkii kurs istorii britanskoi russofobii [The Short Course of British Russophobia]. *International Life*. №9. P. 30–47 (In Russian).

Falin V.M. 2000. *Vtoroj front. Antigiterovskaya koaliciya: konflikt interesov* [The Second Front. The Anti-Hitler Coalition: Conflict of Interests]. Moscow: Centrpoligraf. (In Russian)

Gromyko A. 1990. *Pamyatnoe* [The Memorable]. Second enlarged edition. Moscow. 512 p. (In Russian).

Israelyan V.L. 1985. *Diplomatiya v gody vojny. 1941–1945* [Diplomacy during the War. 1941–1945]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.

Istomin I. 2018. *Logika povedeniya gosudarstv v mezhdunarodnoi politike* [The Logic of State Behavior in International Politics]. Moscow: Aspect Press. 304 p. (In Russian).

Koul'kov E. (otv. red.). 2002. *Mirovye voyny XX veka: kniga 3. Vtoraya mirovaya voina. Istoricheskii ocherk* [World Wars of the 20th Century: Book 3. The Second World War. Historical Survey]. Moscow. 596 p. (In Russian).

Krivosheev G. et al. 2010. *Rossia i SSSR v voynah XX veka. Kniga poter'* [Russia and the USSR in the 20th Century Wars. The Book of Losses]. Moscow. 624 p. (In Russian).

Lityn A., Myagkov M. (Otv. red). 2017. *Osvobozhdenie. 1944–1956. V 2 knigah. Kniga 1. Ocherki. Strana v ogne: V 3 t. T. 3. Redactor-sostavitel' D. Surzhik*. [The Country Ablaze. Vol. 1–3. Vol. 3. Liberation. 1944–1945. In 2 books. Book 1. Essays]. Moscow: Abris. 717 p. (In Russian).

Pechatnov V. 2002. Moskovskoie posol'stvo Averella Garrimana [Averell Harriman's Ambassadorship in Moscow]. *Modern and Contemporary History*. №3. P. 180–204 (In Russian).

Pechatnov V. 2017. Diplomatcheskaja missia A. Klarka-Kerra v Moskve. 1942–1946. [A. Klarke-Kerr's Diplomatic Mission to Moscow (1942–1946)]. *Modern and Contemporary History*. №5. P. 119–150 (In Russian).

Pechatnov V., Magadeev I. 2015a. *Perepiska Stalina s Rouzvel'tom i Cherchillem v gody Velikoi Otechestvennoi vojny*. Documental'noe issledovanie. T. 1–2. T. 1. [Stalin's Correspondence with Roosevelt and Churchill during the Great Patriotic War. A Documentary Investigation]. Vol. 1–2. Vol. 1. Moscow. 656 p. (In Russian).

Pechatnov V., Magadeev I. 2015b. *Perepiska Stalina s Rouzvel'tom i Cherchillem v gody Velikoi Otechestvennoi voiny*. Documental'noe issledovanie. T. 1–2. T. 2. [Stalin's Correspondence with Roosevelt and Churchill during the Great Patriotic War. A Documentary Investigation]. Vol. 1–2. Vol. 2. Moscow: Olma Media Grupp. 768 p. (In Russian).

Sipols V.Ya. 2000. *Velikaya Pobeda i diplomatiya* [Great Victory and Diplomacy]. Moscow: Novina. (In Russian)

Soyuzniki SSSR po antigitlerovskoi koalitsii [Allies of the USSR from the Anti-Hitler Coalition]. *Velikaya Otechestvennaya voina 1941–1945*. 2014b. V 12 t. T. 9. Moscow. 864 p. (In Russian).

Soyuzniki v vojne. 1941–1945 [Allies in the War. 1941–1945]. 1995. *K 50-letiyu Pobedy*. Otv. red. A.O. Chubar'yan, U.F. Kimboll, D. Reynolds. Moscow: Nauka. (In Russian)

Stalin v gody voiny [Stalin during the War]. 2013. *Velikaya Pobeda*. Mnogotomnoie prodolzhaousheesya izdanie pod obshei redaktsiei S.E. Naryshkina i akademika A.V. Torkunova. T. 9. Moscow: MGIMO. 652 p. (In Russian).

Vneshnaya politika i diplomatiya Soveyskogo Soyuz v gody voiny [Soviet Foreign Policy and Diplomacy during the War]. 2014a. *Velikaya Otechestvennaya voina 1941–1945*. V 12 t. T. 8. Moscow. 864 p. (In Russian).

Volodin A., Filatov S. 2023. Russophobia: korni i krona [Russophobia: Roots and Brunches]. *International Life*. №4. P. 40–57 (In Russian).

Zueva K. 2010. Sovetsko-frantsuzskii dogovor o soyuze I vzaimopomoshi 1944 goda. [The Soviet-French Treaty of Alliance and Mutual Assistance of 1944]. *Russia and France: 300 years of special relations*. Moscow. 327 p. (In Russian).

Список литературы на русском языке:

Внешняя политика и дипломатия Советского Союза в годы войны. 2014. *Великая Отечественная война 1941–1945 гг.* В 12 тт. Т. 8. Москва. 864 с.

Володин А., Филатов С. 2023. Русофобия: корни и крона. *Международная жизнь*. №4. С. 40–57.

Громыко А.А. 1990. *Памятное*. Книга 1. Издание второе, дополненное. Москва. 512 с.

Дегоев В. 2022. Краткий курс истории британской русофобии. *Международная жизнь*. №9. С. 30–47.

Зуева К.П. 2010. Советско-французский договор о союзе и взаимной помощи 1944 г. *Россия и Франция. 300 лет особых отношений*. Москва. 327 с.

Израэлян В.Л. 1985. *Дипломатия в годы войны. 1941–1945*. Москва: Международные отношения.

Истомин И.А. 2018. *Логика поведения государств в международной политике*. Москва: Аспект Пресс. 304 с.

Кривошеев Г.Ф. и др. 2010. *Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь*. Москва. 624 с.

Кульков Е.Н. (отв. ред.). 2002. *Мировые войны XX века: кн. 3. Вторая мировая война*. Исторический очерк. Москва. 596 с.

Литвин А.М., Мягков М. (отв. ред.). 2017. Освобождение. 1944–1945. В 2 кн. Кн. 1. Очерки. *Страна в огне: В 3 тт. Т. 3*. Ред.-сост. Суржик Д.В. Москва: «Абрис». 717 с.

Печатнов В., Магадеев И. 2015а. *Переписка И.В. Сталина с Ф. Рузвельтом и Черчиллем в годы Великой Отечественной войны*. Документальное исследование. Т. 1–2. Т. 1. Москва. 656 с.

Печатнов В.О., Магадеев И.Э. 2015b. *Переписка И.В. Сталина с Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем в годы Великой Отечественной войны*. Документальное исследование. Т.2. Москва: Олма Медиа Групп. 768 с.

Печатнов В.О. 2002. Московское посольство Аверелла Гарримана. *Новая и новейшая история*. №3. С. 180–204.

Печатнов В.О. 2017. Дипломатическая миссия А. Кларк-Керра в Москве (1942–1946 гг.). *Новая и новейшая история*. №4. С. 169–192.

Сиполс В.Я. 2000. *Великая Победа и дипломатия*. Москва: Новина

Союзники в войне. 1941–1945. 1995. *К 50-летию Победы*. Отв. ред. А.О. Чубарьян, У.Ф. Кимболл, Д. Рейнолдс. Москва: Наука

Союзники СССР по антигитлеровской коалиции. 2014. *Великая Отечественная война 1941–1945 гг.* В 12 тт. Т. 9. Москва. 864 с.

Сталин в годы войны. 2013. *Великая победа*. Многотомное продолжающееся издание под общей редакцией С.Е. Нарышкина и академика А.В. Торкунова. Т. 9. Москва: МГИМО. 652 с.

Фалин В.М. 2000. *Второй фронт. Антигитлеровская коалиция: конфликт интересов*. Москва: Центрполиграф.

Черчилль У. 2014. *Вторая мировая война*. Кн. 3. Т. 5–6. Москва. 702 с.

Чуев Ф. 2000. *Молотов. Полудержавный властелин*. Москва. 73 с.